

ственному господину, в свой дворец. А мать Маркольфа, по имени Отброска, взяла полный горшок молока и, накрыв молоко горячим пирогом, послала его царю со своим сыном. Маркольф отправился по тропинке через луг, проголодался от жары и тут увидел лепешку коровьего навоза. Он тут же поставил горшок на землю, съел пирог, а лепешку навоза положил сверху. Пришел к Соломону и поставил перед ним молоко, покрытое навозом. Соломон спрашивает: «Почему горшок покрыт этим?» Маркольф: «А разве ты, царь, не приказал накрыть коровье молоко тем, что дает корова? Навоз-то, что, не коровий?» Соломон в ответ: «Не то я приказал». Маркольф: «А я так понял». Соломон: «Лучше бы молоко пирогом накрыли». «Так оно и было, но голод переиначил замысел». Соломон: «Каким образом?» Маркольф: «Я знал, что нет у тебя недостатка в хлебе, а поэтому, сам нуждаясь, съел пирог, которым было молоко накрыто и на его место исхитрился положить коровью лепешку».

Соломон: «На сей раз прощаем! Но если этой ночью ты не сможешь бодрствовать и бдеть вместе со мною, то по утра не сносить тебе головы!» Маркольф: «Славно». Наступило время бодрствовать, Маркольф и царь Соломон сели, но немногим спустя Маркольфа стало клонить в сон и он принялся похрапывать. Соломон его спрашивает: «Что, спишь, Маркольф?» А Маркольф: «Не сплю, а думаю». Соломон: «О чем думаешь?» Маркольф: «Думаю о том, что у зайца в хребте столько же позвонков, сколько на хвосте». Соломон: «Если не докажешь, быть тебе повешенным». Соломон замолчал, а Маркольф снова стал засыпать, похрапывая. Соломон его спрашивает: «Что, спишь, Маркольф?» А Маркольф: «Не сплю, а думаю». Соломон: «О чем думаешь?» Маркольф: «Думаю о том, что у сороки столько же перьев белых, сколько и черных». Соломон: «Если не докажешь, быть тебе повешенным». Соломон замолчал, а Маркольф опять стал засыпать, похрапывая. Соломон его спрашивает: «Что, спишь, Маркольф?» А Маркольф: «Не сплю, а думаю». Соломон: «О чем думаешь?» — Маркольф: «Думаю о том, что нет под небом ничего белее, чем день». Соломон: «А разве день и молока белее?» Маркольф: «Так оно и есть». Соломон: «Надо проверить». Соломон замолчал, продолжая бодрствовать, а Маркольф снова стал засыпать и храпеть. Соломон его спрашивает: «Что, спишь, Маркольф?» А Маркольф: «Не сплю, а думаю». Соломон: «О чем думаешь?» Маркольф: «Думаю о том, что ни в чем нельзя доверять женщине». Соломон: «И это надо проверить». И вот Соломон замолчал, продолжая бодрствовать, а Маркольф снова стал засыпать и храпеть. Соломон его спрашивает: «Что, спишь, Маркольф?» А Маркольф: «Не сплю, а думаю». Соломон: «О чем думаешь?» Маркольф: «Думаю о том, что природа сильнее воспитания». Соломон: «Не докажешь, быть тебе повешенным». На том ночь закончилась, и Соломон, утомленный бдением, улегся на свое ложе.

Маркольф, расставшись с царем, поспешил к сестре, по имени Дородина, и, притворившись опечаленным сверх меры, сказал ей: «Царь Соломон — недруг мой, не стерпеть мне его угроз и несправедливостей. Возьму-ка я нож, спрячу у себя под одеждами и сегодня, когда он ни о чем не будет подозревать, воткну нож ему в сердце — так и расправлюсь с ним. А тебя, дорогая моя сестра Дородина, прошу — не обвиняй меня, храни тайну и не рассказывай об этом моему брату Волопылу». На что Дородина ответила: «Дорогой мой брат Маркольф, не сомневайся, даже под угрозой смерти я тебя не выдам». После этого Маркольф с опаской возвратился ко двору.

Солнце, светящее по всей земле, озарило своими лучами царский двор. Соломон поднялся с ложа и воссел на трон во дворце своем. И тут по приказу царя поймали зайца и доставили ко двору, Маркольф насчитал у него равное число позвонков на спине и хвосте. Поймали и принесли царю сороку, и Маркольф насчитал у нее столько же черных перьев, сколько и белых. И тут, втайне от царя Маркольф принес таз с молоком, поставил его около дверей комнаты, закрыл все окна, чтобы дневной свет не проникал внутрь, и позвал царя. Когда царь попытался войти в комнату, он наступил в таз с молоком и расшибся бы, упав, но ухватился руками. Тут царь Соломон воскликнул в гнев: «Пропащая душа, что ты творишь?» Маркольф: «Не гневайся на меня! Разве не ты утверждал, что молоко белее дневного света? Что же ты тогда не увидел под своими ногами молоко, ведь при дневном свете ты можешь рассмотреть все что угодно? Рассуди справедливо! Я перед тобой безгрешен!» Соломон: «Погуби тебя Боже! Одежды мои залиты молоком, и я чуть из-за тебя не сломал шею, так-то ты передо мной безгрешен?» Маркольф: «А в другой раз уберег тебя, вот сядь и рассуди о том, о чем я тебе доложу».

Когда царь сел, Маркольф объявил: «Есть у меня сестра по имени Дородина, она — блудница, поскольку, забеременев, обесчестила всю мою родню, однако она все равно желает получить свою долю отцовского наследства». Тут Соломон произнес: «Пусть призовут его сестру, и мы выслушаем,